

УДК 82:13
ББК 83.3:87.3(2)

Владимир Владимирович Варава

Московский государственный институт культуры, заведующий кафедрой философии, доктор философских наук, Россия, Москва, e-mail: vladimir_varava@list.ru

«Какой родной до невозможности человек!»

[Рец. на:] Семенова С.Г. Юродство проповеди: Метафизика
и поэтика Андрея Платонова. М.: ИМЛИ РАН, 2020. 624 с.

Vladimir Vladimirovich Varava

Moscow State Institute of Culture, Head of the Department of Philosophy, Doctor of Philosophy, Russia, Moscow, e-mail: vladimir_varava@list.ru

«What an Impossibly Native Person!»

[Review on:] Semenova S.G. The foolishness of preaching:
Metaphysics and Poetics of Andrei Platonov. Moscow:
IMLI RAS Publ., 2020. 624 p.

DOI: 10.17588/2076-9210.2022.4.179-186

Обращение к творчеству А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого и подобным им «вечным спутникам» не может иссякнуть. Никогда нельзя сказать, что все известно и изучено, что поставлена точка в исследованиях творчества какого-то автора. И вообще большие авторы даны не столько для изучения, сколько для вдохновения и в конечном счете обогащения духовной культуры и просветления самой жизни. Это кажется самоочевидным, но порой приходится слышать, что вот опять про Достоевского, опять про Пушкина, сколько можно...

В случае с Андреем Платоновым ситуация непростая. Кажется, что еще совсем недавно это имя вообще было в небытии, но уже появились горы солидного платоноведения, которое как бы все уже изучило. Интенсивность исследования творчества Платонова, действительно, превышает интенсивность исследований других именитых авторов. Это, безусловно, оправдано, поскольку Платонов – ни с чем не сравнимое явление в мировой и отечественной словесности.

Книга Светланы Семеновой, известного отечественного литературоведа и философа, «Юродство проповеди: Метафизика и поэтика Андрея Платонова» – настолько значительное явление не только в платоноведении, но и вообще в современной философии, что нуждается в особо внимательном и даже трепетном прочтении. Это собрание работ автора об Андрее Платонове, чья личность и творчество были в центре ее исследовательского внимания практически в течение всей жизни. Первые работы Семеновой, посвященные А. Платонову, в которых были заложены *основы философского платоноведения* в России, появились в конце 70-х годов XX века. И они сразу же были отмечены ярким авторским подходом, в котором писатель предстал как самобытнейшее явление отечественной словесности и в целом духовной традиции.

Писатель и мыслитель в Платонове нераздельны; и на философские аспекты творчества писателя, конечно, всегда обращено исследовательское внимание¹. Книга С.Г. Семеновой заметно выделяется, поскольку в ней и показано, и доказано, что путь к художественным откровениям писателя лежит через его метафизику. «Юродство проповеди» раскрывает не отдельные философские мотивы в творчестве Платонова, которых всегда достаточно у любого серьезного автора, но дает целостную систему философских взглядов писателя, помогающую понять своеобразие его художественного мира.

Подзаголовок книги раскрывает авторскую методологию изучения литературы как образно-художественной формы философского освоения реальности. Метафизика и поэтика – два полюса творческой вселенной Платонова, которые находятся в неслиянно-нераздельном состоянии. Это особенно важно для отечественной философской культуры и вообще для национального сознания в целом, поскольку вопрос «Где искать русскую философию?» не сходит с повестки дня, часто приобретая крайне неприятную форму отрицания и самоотрицания философских начал в отечественной культуре.

Книга «Юродство проповеди» открывается главой «Где у Андрея Платонова искать его философию?». Здесь и ставится, и решается в положительном ключе вопрос о том, насколько художественное воплощение философских идей в литературе равнозначно философскому тексту. Автор убеждает, привлекая и доказательно-аргументированную базу, и силу собственного яркого слова («женского Логоса», по определению Георгия Гачева), что литературное произведение может быть полноценным источником для выражения философских идей.

На примере творчества Андрея Платонова это выглядит наиболее показательно. Следующие слова С.Г. Семеновой можно воспринимать как некоторый канон философского прочтения писателя: «Творец предельно сознательный и аналитичный, Платонов сумел воплотить свои намерения, свои *однообразные* и

¹ См.: Андрей Платонов. Философское дело: сб. науч. ст. / под ред. В.В. Варавы, С.А. Никольского; Воронежский государственный университет. Воронеж: Изд. дом ВГУ, 2014. 352 с.

постоянные идеалы (как он их сам называл) в глубинно клеточном слое текста, не греша ни на йоту риторикой, даже самой утонченно-художественной. Можно сказать, что он мыслит в грамматике, передавая многомерный взгляд, парадоксальную, антиномичную логику, сверхумное видение неожиданным подбором и сочетанием слов, лексических и синтаксических конструкций, взрывающих норму, но разящих по смыслу»².

Мышление в грамматике – это принципиально новый взгляд на традиционную тему философичности литературы, поскольку речь идет не о вкраплении философских рассуждений в художественную ткань текста, что, как правило, и является традиционным маркером его «философичности», но о такой организации самого текста, при которой философствование происходит на его «клеточном уровне». Это уникальнейший феномен, возможно в какой-то мере даже и единственный в своем роде, когда сам язык начинает философствовать.

Но это не литературные эксперименты с языком, которые всегда имеют место и которые были особенно популярны в эпоху, когда работал Платонов. Такие социальные интерпретации языковых трансформаций – общее место в традиционном литературоведении. Как это ни парадоксально, общий мировоззренческий контекст эпохи оказал лишь периферийное влияние на его творческий метод. Эпоха ушла, Платонов остался, остался со своими вечными вопросами, а не с сиюминутной злобой дня. И эти вопросы Платонова понятны и актуальны сегодня, когда уже не осталось ни капли того соцреализма, в контексте которого он волею судеб вынужден был творить. И пытаться понять дух социализма через дух Платонова неправильно. Все дело в том, что его поэтика метафизична, как показывает в своих работах Светлана Семенова, а не социалистична. Конечно, как любой сын своего времени он несет на себе его приметы, но его задания уходят гораздо дальше и глубже. Можно даже сказать, что социализм оказался слишком мал, чтобы вместить Платонова, несмотря на то, что он на него в определенный период возлагал большие надежды.

Поэтому исследователь озабочен выявлением «постоянных философских составляющих» художественного мира Платонова, которые являются и его жизненными установками. Это очень важно, поскольку Платонов относится к такому типу творцов, у которых зазор между жизнью и искусством минимален. Что это за установки? Прежде всего, это «идея жизни», которая, по мнению С.Г. Семеновой, является основополагающей «генетической программой» всего творчества писателя и которая связана «с тем новым сознанием, стремящимся свести человечество с орбиты дурной бесконечности рождений, вытеснения и смерти, с тем онтологическим заданием преобразить природу мира и самого себя, которые ярко обнаружили себя и в активно-христианской мысли

² Семенова С.Г. Юродство проповеди: Метафизика и поэтика Андрея Платонова. М.: ИМЛИ РАН, 2020. С. 21.

Н.Ф. Федорова и Вл. Соловьева, и в прометеистском варианте пролетарской идеологии. И к обеим традициям тесно причастен Платонов»³.

Как только взгляд приобретает эту *федоровскую метафизическую оптику*, уже ни следа не остается от той социальной физики, которая стремится во что бы то ни стало вогнать автора в одномерно-линейный исторический контекст, заковав его творчество в броню своего времени. Работы С.Г. Семеновой освобождают Платонова от этого. Это в подлинном смысле слова «освобождение Платонова», который, не успев появиться, сразу был погружен в контекст своей эпохи, из которой он, увы, видится пускай и видным, но всего лишь представителем мировой традиции утопического мышления с ее жанрами утопии и антиутопии.

Необходимо сказать несколько слов об идейной эволюции самой Светланы Семеновой, в результате которой был выработан метафизический взгляд на творчество Платонова. Это весьма примечательная эволюция – от соблазнительных в 1970-е годы исследований французского экзистенциализма до трудного, непопулярного и непонятого для многих погружения в глубь корневой отечественной литературно-философской традиции. Это путь довольно редкий. Как правило, те, кто увлечен западной философией, вообще не замечают русской. А литературу наотрез отказываются воспринимать как форму философского выражения.

Уже в своих ранних исследованиях, посвященных французскому экзистенциализму, С.Г. Семенова сделала ощутимым философский роман как жанр, как систему идей в их взаимосвязи с художественным воплощением. Перенос этого метода на почву русской культуры дал потрясающие результаты. В дневниках С.Г. Семеновой, которые входят в данную книгу и охватывают период с 1969 по 2010 г., множество пронзительных, очень интимных и одновременно глубочайших прозрений, откровений, интуиций, сомнений, восторгов, разочарований... одним словом, здесь явлена живая поступь «сердечной мысли» Светланы Семеновой, которая привела ее к русской философии⁴.

И это не только теоретический выбор, но подлинно экзистенциальный, метаноюя, говоря христианским языком, свершившаяся под влиянием решающей встречи с Николаем Федоровым: «Только с него я, по существу, стала серьезно относиться к своей жизни»⁵.

Читая дневник С.Г. Семеновой, видишь, как Платонов, этот «вечный спутник», следует с автором по тропам ее сердечной мысли начиная с 1975 года. И с первого знакомства с ним – глубинное духовное родство, до конца. Вот запись, в которой слова, вынесенные в заголовок: «Вчера прочла “Эфирный тракт”, какой родной до невозможности человек!», и далее объяснение сокро-

³ См.: Семенова С.Г. Юродство проповеди: Метафизика и поэтика Андрея Платонова. С. 325.

⁴ См.: Семенова С. Тропами сердечной мысли: Этюды, фрагменты, отрывки из дневника. М.: Изд. дом «ПоРог», 2012. 720 с.

⁵ См.: Семенова С.Г. Юродство проповеди: Метафизика и поэтика Андрея Платонова. С. 368.

венных мыслей писателя, которые были постигнуты с ходу, на лету, моментально, – объяснение, связавшее воедино Федорова, Платонова и ее собственные чаяния, надежды, устремления: «Он ведь прекрасно понимает, какие потери ждут людей, если они возмущаются радикально весь мир перекручивать, дерзнут покуситься на самый природный закон, способ существования природы, какие могут явиться “революционные” перекосы, свои боль и страдания. Но вместе с тем *чаёт* и знает, что иначе человеку нельзя, *не может* он примириться с таким порядком вещей, где неизбежны пожирание, вытеснение, смерть и финальное самоуничтожение такого кричаще противоречивого, несовершенного и отравленного смертным трагизмом существа!»⁶

И еще: «Андрей Платонов – самый родной и учитель думать в самой фразе, ее словами их неожиданными сцеплениями»⁷. Эта идея, высказанная в 1975 году, в дальнейшем станет целостной методологией постижения философии Платонова через его язык, что станет вообще парадигмальным принципом тождества литературы и философии в русской культуре. А следующая запись 1976 года показывает, насколько искренним и глубоким был порыв Семеновой к Платонову: «К черту все лишнее! Успеется Толстой. Берусь за Платонова»⁸.

Представляемая книга во многом и является результатом этого «взятия» Платонова, творчество которого представлено во всем многообразии тем, идей, концептов, во всем внутреннем драматизме его духовной эволюции. Глава «“Тайное тайных” Андрея Платонова» посвящена одной из наиболее важных тем его жизни и творчества, неверное представление о которой дает сильнейшее искажение всего его миропонимания. Речь идет о вопросах эроса, любви и пола, взятых не сами по себе, но в контексте главной проблемы – проблемы смерти.

Исследователь показывает, какой путь прошел молодой писатель в этом вопросе – от интуиций древнейшей натурфилософии с ее космологизацией эроса до «положительного целомудрия» Николая Федорова и «смысла любви» Владимира Соловьева. «Река Потудань», безусловно, вершинное произведение на тему любви у Платонова, в котором отношения любящих героев «идут на высотах пронзительной душевности двух смертных»⁹. Анализируя этот рассказ, С.Г. Семенова демонстрирует, как у писателя происходит возрастание любви как нравственного чувства, рождающегося из глубочайшего чувства жалости и достигающего своей метафизической вершины.

В главе «“Тайное тайных” Андрея Платонова» речь идет о детях, «спасителях вселенной», и о той уникальной метафизике детства, автором которой был Платонов. Эта метафизика, как показывает исследователь, основывается на близком писателю христианском критерии «будьте, как дети».

⁶ См.: Семенова С.Г. Юродство проповеди: Метафизика и поэтика Андрея Платонова. С. 365.

⁷ Там же. С. 366.

⁸ Там же. С. 369.

⁹ Там же. С. 87.

Статья «Религиозно-философский контекст и подтекст “Чевенгура”» посвящена самому гениальному, но и самому сложному произведению автора. Почти при полной стилистической, идейной и философской равноценности основных произведений Платонова «Чевенгур» все же нечто особенное. Он дает возможность множественных, если не бесконечных интерпретаций, создающих подчас непреодолимый герменевтический барьер на пути к самому писателю. Семенова выбирает возможно наиболее рискованный, но, как представляется, единственно верный путь понимания этого произведения. Это религиозный путь, предполагающий, конечно, не ортодоксальное понимание религии, но то, прежде всего, душевное видение мира, в котором христианское мировидение оказывается наиболее уместным. С.Г. Семенова пишет: «Вступает, хоть и попраный в революционное время, христианский душевный подтекст, натурально живущий в народном человеке Платонова: острое ощущение какого-то недолжного, *надшего* состояния мира, в котором неумолимо действуют энтропийные силы, стоит тоска и скука бытия, подчиненного временности и смерти»¹⁰.

Эта «парадигма недолжного», по сути, есть исходное мироощущение Платонова, которому противостоит как раз «идея жизни», которая как бы исправляет это состояние, показывая прежде всего его ущербность, неполноценность. Отсюда и тоска – не как унылое психологическое состояние, вызываемое множеством частных причин, но как своего рода *нравственная скорбь по истине*. Это и есть исконное христианское мировидение – тоска по утраченному раю.

При обзоре главных идей книги невозможно не сказать о военных рассказах Андрея Платонова, которым автор исследования посвящает главу «Россия и русский человек в пограничной ситуации». Кто хоть немного знаком с биографией Платонова, то знает, чем явилась война для него. Военные рассказы – это гимн подлинной народности, которая проявила высочайшие нравственные качества в наиболее трагический момент истории. «Военные рассказы Платонова, – пишет С.Г. Семенова, – особая страница в его творчестве; рождена она самой жизнью, непосредственно коснувшейся каждого, жизнью, вставшей под знак смертельной беды и предельного испытания. <...> Под определенным углом зрения эти рассказы – этюды о русской душе в ее извечных и сокровенных измерениях»¹¹.

Крестьянин и воин – две охранительные и спасительные силы, проявившиеся перед лицом смерти наиболее сильно. Как показывает исследователь, военные рассказы – это рассказы о ненапрасных смертях, которые продолжают жертвенный подвиг предков. Это своего рода долг перед умершими отцами – спасти жизнь, сохранить народ во имя их памяти. И в этом христианская инту-

¹⁰ См.: Семенова С.Г. Юродство проповеди: Метафизика и поэтика Андрея Платонова. С. 105–106.

¹¹ Там же. С. 223.

иция Платонова и такое важное наблюдение исследователя: «Может быть, отсюда это предпочтение понятия и образа “сердца” – понятию “души”: сердце как раз средостение между материальным и духовным, оно, с одной стороны, буквально физично и имеет прямое отношение к телесной стороне нашего существования: его надо подкреплять едой, питьем, давать ему отдых... с другой – оно наиболее глубокий и таинственный нравственный и религиозный, духовный центр человека»¹².

Выделяется здесь, конечно же, анализ рассказа «Взыскание погибших», который является апофеозом идеи неприятия смерти, усиленной тем, что она исходит из сердца матери, потерявшей своих детей: «из того же смертельно раненого погибелью детей материнского сердца, из стонущей ее души исторгается глубочайше эмоциональный импульс: неприятие вечной разлуки с любимыми, вера в воскрешение и будущую встречу»¹³.

Возвращаясь к дневникам Светланы Семеновой, находим в них разъяснение самому названию книги «Юродство проповеди»: «Платонов активное христианство нес, и как его ни сгибали, да еще в эпоху торжества такого языческого варварства, где культ молодости и жизни, бодро спортивной, брызжущей здоровьем, и как можно при этом о гробах и покойниках, о прахе и старых родителях, – остался верен своему “юродству проповеди”, уйдя под конец в совсем малое, чистое пространство, к детским душам и их великим незамысловатостям: “мама”, “не умирай”, пень-человек, умерший дедушка на солнышке, “все живыми будем”...»¹⁴. Это было сказано 31 января 1990 года. И еще – важные слова в самом конце дневниковых записей 3 октября 2010 года: «Еще раз об юродстве проповеди – как трудно на него идти, вставать со своим необычным, шокирующим, прущим против устоявшихся привычек мышления словом, призывом... Как надо себя взнуздывать! <...> Вот и под покровом своей уникальной художественной *косвенности* проповедовал и Платонов!»¹⁵.

Немногие согласятся с тем, что писательская работа Платонова – проповедь, да еще юродивая. Но именно в этом тот корень всего его творчества, который, совершенно не отменяя всех художественных достоинств платоновского текста, возводит его на новый уровень, просто-напросто не доступный многим писателям, так и оставшихся в своем времени и не поднявшихся над ним, чтобы обозреть с высоты метафизической истины истину самого бытия.

Дневники С.Г. Семеновой погружают читателя в дух эпохи, в ее атмосферу; в них ценные свидетельства об этом важном периоде отечественной истории, периоде слома и перехода с множеством имен, известных и неизвестных, фактов, интереснейших встреч, ситуаций. Именно тогда автор осознала свою миссию. В записи 20 августа 1978 года передается разговор с мужем:

¹² См.: Семенова С.Г. Юродство проповеди: Метафизика и поэтика Андрея Платонова. С. 230–321.

¹³ Там же. С. 232.

¹⁴ Там же. С. 504.

¹⁵ Там же. С. 555.

«Вчера долго не спали. Говорили с мужем. Планы, я про то, что чувствую себя призванной вывести на свет незнаемый пока миром, теряющийся в русском тяжком историческом грунте ручеек федоровского духа, всех следовавших за ним, думавших, писавших, погибших... Сколько имен, судеб, рукописей!»¹⁶.

В дневниках же мы находим и такие, воистину дерзновенные (любимое слово Семеновой) мысли, раскрывающие глубочайший слой души их автора, ее нравственных чаяний и стремлений, как желание написать «катехизис активного христианства, Дела Дел, Царствия Небесного»; или: «Я все говорю, что хочу написать “Евангелие”, убеждающее, страстное, входящее в душу и ум»¹⁷.

Кроме этого, в дневниках множество интереснейших наблюдений и размышлений: о болезни и ее достоинстве; о нравственных проблемах технического прогресса; о кризисе цивилизации; о смертности как причине зла; о смерти и смысле жизни; о России и русском; о человеке и человеческом; о первоначальном грехе; о любви, эросе и сексе; о страхе; о детях; о природе; о войне и мире; о чтении и литературе и т.д.

Поразительно это тематическое разнообразие мысли, которую волнует все, буквально все, все духовные запросы жизни культуры. И все эти высшие вопросы бытия вплетены в повседневность, переплетены с бытом, с походами в инстанции в борьбе за издание сочинений Федорова и уходами в лес, с жизнью в деревне Новоселки и городке писателей Переделкино, которая представляет собой отдельный, очень важный пласт в судьбе Светланы Семеновой и ее творческой семьи.

Заканчивается книга интервью Светланы Семеновой для сербского журнала «Русија» (2009 г.), которое в совокупности со статьями и дневником дает достаточно полное представление об авторе, о ее сокровенных идеях и идеалах. Важными являются такие этические постулаты, которые раскрывают глубину личности Светланы Семеновой: «Я не люблю отчаяния... Я всегда хочу *невозможно*... И еще самое дорогое – спасение всех до единого»¹⁸.

¹⁶ См.: Семенова С.Г. Юродство проповеди: Метафизика и поэтика Андрея Платонова. С. 403.

¹⁷ Там же. С. 435.

¹⁸ Там же. С. 604.